

ОМАР ХАЙЯМ

ОМАР ХАЙЯМ

Рубаи

МОСКВА

2017

УДК 821.222.1-1
ББК 84(0)4-5
О-57

Перевод с персидского *Германа Плисецкого, Осипа Румера*

Серия «Pocket book»
Оформление *А. Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция картины
К.П. Брюллова «Бахчисарайский фонтан», 1849 г.

Серия «100 главных книг (обложка)»
Оформление *Н. Ярусовой*

Омар Хайям.
О-57 Рубаи / Омар Хайям ; [пер. с персид. Г. Б. Плисецкого, О. Румера]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 208 с.

ISBN 978-5-699-59074-2 (Pocket book (обложка))
ISBN 978-5-699-83284-2 (100 ГК)

Выдающийся персидский астроном, математик, физик и философ, Омар Хайям – создатель знаменитых рубаи – четверостиший, прославляющих мудрость, любовь, красоту и радости мира.

**УДК 821.222.1-1
ББК 84(0)4-5**

ISBN 978-5-699-59074-2
(Pocket book (обложка))
ISBN 978-5-699-83284-2
(100 ГК)

© Г. Плисецкий, перевод.
Наследники, 2017
© О. Румер, перевод.
Наследники, 2017
© Издание на русском языке.
Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2017

Перевод Германа Плисецкого

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятого нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно, –
Вот последний секрет из постигнутых мной.

Я – школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Всё еще не зачислен в разряд мастеров...

И пылинка – живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

Тот усердствует слишком, кричит: «Это – я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это – я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки –
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это – я!»

Этот старый кувшин безутешней вдовца
С полки, в лавке гончарной, кричит без конца:
«Где, – кричит он, – гончар, продавец, покупатель?
Нет на свете купца, гончара, продавца!»

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! – кувшин безутешно вопил. –
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха –
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всеильным везиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, –
Грудь умершей красавицы или щека...

Когда плачут весной облака – не грусти.
Прикажи себе чашу вина принести.
Травка эта, которая радуется взору,
Завтра будет из нашего праха расти.

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, –
Ни один разгадать ее толком не смог.

Видишь этого мальчика, старый мудрец?
Он песком забавляется – строит дворец.
Дай совет ему: «Будь осторожен, юнец,
С прахом мудрых голов и влюбленных сердец!»

Управляется мир Четырьмя и Семью.
Раб магических чисел – смиряюсь и пью.
Всё равно семь планет и четыре стихии
В грош не ставят свободную волю мою!

В колыбели – младенец, покойник – в гробу:
Вот и всё, что известно про нашу судьбу.
Выпей чашу до дна – и не спрашивай много:
Господин не откроет секрета рабу.

Омар Хайям

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей – будь счастлив теперь!

Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.

Как жар-птица, как в сказочном замке княжна,
В сердце истина скрытно храниться должна.
И жемчужине, чтобы налиться сияньем,
Точно так же глубокая тайна нужна.

Не тверди нам о том, что в раю – благодать.
Прикажи нам вина поскорее подать.
Звук пустой – эти гурии, розы, фонтаны...
Лучше пить, чем о жизни загробной гадать!

Ты едва ли былых мудрецов превзойдешь,
Вечной тайны разгадку едва ли найдешь.
Чем не рай тебе – эта лужайка земная?
После смерти едва ли в другой попадешь...

Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
Твой шатер подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой, укрыта –
Берегись, ибо колья палатки слабы!

Те, что веруют слепо, – пути не найдут.
Тех, кто мыслит, – сомнения вечно гнетут.
Опасаясь, что голос раздастся однажды:
«О невежды! Дорога не там и не тут!»

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Недостойно – стремиться к тарелке любой,
Словно жадная муха, рискуя собой.
Лучше пусть у Хайама ни крошки не будет,
Чем подлец его будет кормить на убой!

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего –
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

Вижу смутную землю – обитель скорбей,
Вижу смертных, спешащих к могиле своей,
Вижу славных царей, луноликих красавиц,
Отблеставших и ставших добычей червей.

Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед!

Всё, что видим мы, – видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей – не видна.

Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы.
Рассказали нам несколько сказочек на ночь –
И отправились, мудрые, спать, как и мы.

Удивленья достойны поступки Творца!
Переполнены горечью наши сердца.
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.

Круг небес ослепляет нас блеском своим,
Ни конца, ни начала его мы не зрим,
Смысл его недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим.

В поднебесье – светил ослепительных тьма,
Помыкая тобою, блуждает сама.
О мудрец! Заблуждаясь, в сомненьях теряясь,
Не теряй путеводную нитку ума!

Если истина вечно уходит из рук –
Не пытайся понять непонятное, друг.
Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
Нету смысла, поверь, в изученье наук!

Ты с душою расстанешься скоро, поверь,
Ждет за темной завесою тайная дверь.
Пей вино! Ибо ты – неизвестно откуда.
Веселись! Неизвестно – куда же отсель...

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце,
И бояться не надо, о сердце мое!

Когда с телом душа распротится, скорбя,
Кирпичами из глины придавят тебя.
Век минует – и глиною ставшее тело
Пустьят в новое дело, киркою долбя.

Где мудрец, мирозданья постигший секрет?
Смысла в жизни ищи до конца своих лет:
Всё равно ничего достоверного нет –
Только саван, в который ты будешь одет...

Тот, кто следует разуму, – доит быка,
Мудрость нынче убыточна наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

Здесь владыки блистали в парче и в шелку,
К ним гонцы подлетали на полном скаку.
Где всё это? В зубчатых развалинах башни
Сиротливо кукушка кукует: «Ку-ку...»¹

Этот старый дворец называется – мир.
Это царский, царями покинутый пир.
Белый полдень сменяется полночью черной,
Превращается в прах за кумиром кумир.

Где могучий Бахрам за онагром скакал –
Там теперь обитают лиса и шакал.
Видел ты, как охотник, расставив капканы,
Сам, бедняга, в глубокую яму попал?

Если низменной похоти станешь рабом –
Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и – куда же потом?

¹ Игра слов: «ку» на фарси означает «где?».

В прах судьбою растертые видятся мне,
Под землей распростертые видятся мне.
Сколько я ни вперяюсь во мрак запредельный –
Только мертвые, мертвые видятся мне...

Вижу: птица сидит на стене городской,
Держит череп в когтях, повторяет с тоской:
«Шах великий! Где войск твоих трубные клики?
Где твоих барабанов торжественный бой?»

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чаши гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей,
Издеваться над глиной, над прахом людей?
Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна
Хочешь в дело пустить? Ты – безумец, ей-ей!